

при этомъ онъ имѣлъ особенную способность утѣшать хоть кого. Еще хуже шло преподаваніе анатоміи. Читалъ ее человѣкъ въ свое время извѣстный, но тутъ уже доживавшій свои послѣдніе годы, скорбленный, безъ зубовъ и безъ голоса; рѣдко когда пропускалъ онъ лекціи, но рѣдко когда и читалъ больше 10—15 минутъ. Онъ, бывало, правильно разложить кости, установить скелетъ и, щурясь, оглянуть ряды пустыхъ скамеекъ, произнося: — Кажется, сегодня, господь (слушателей) не много. — Онъ былъ очень снисходителенъ — эти немногіе слушатели сводились на двухъ-трехъ человѣкъ. Кашлянувъ, преподаватель начиналъ лекцію изъ топографической анатоміи: — Вотъ, господа, лопатка. Лопатка имѣетъ край верхній, край нижній, — и т. д. Все это мы отлично знали изъ записокъ его. И только когда онъ присоединялъ къ этому что-нибудь изъ своихъ воспоминаній, мы слушали охотно. Совершенный контрастъ представлялъ молодой лекторъ Лавровъ, читавшій физику и химию; всѣ слушали его со вниманіемъ и интересомъ. Впослѣдствіи всеобщую исторію читалъ у насъ Эвальдъ; онъ говорилъ, а не читалъ, и говорилъ увлекательно, и потому мы всѣ увлекались. Еще немного позднѣе анатомію читалъ докторъ Гепнеръ, тоже молодой, искренній, всею душою преданный дѣлу. Мы всѣ ожили, старались наверстать потерянное время; аудиторія всегда была полна; приходили художники, давно окончившіе академическій курсъ. Гепнеръ первый въ своихъ лекціяхъ соединилъ слово съ дѣломъ (онъ привозилъ намъ части труповъ, ознакомилъ насъ съ теоріей Дюшенъ-де-Булоня, считавшагося тогда еще шарлатаномъ (на его теоріи, однако, Дарвинъ впослѣдствіи основалъ свои идеи о „сокращеніи мышцъ“), однимъ словомъ, профессоръ Гепнеръ вдохнулъ въ нашу жизнь что-то свѣжее, новое... Мы тогда узнали, что ничего не знаемъ. Узнали также, насколько наша будущность зависитъ отъ хорошихъ, разумныхъ, а главное — искреннихъ преподавателей. Чѣмъ больше мы это сознавали, тѣмъ круче отворачивались отъ всего дряхлаго, отжившаго, не могущаго вновь ожить, дать жизнь новымъ отпрыскамъ. Всѣ почтенные профессора, о которыхъ я говорилъ вначалѣ, принадлежали прошедшему, а не будущему — не намъ.

Однако я далеко забѣжалъ впередъ, впрочемъ для того только, чтобы не возвращаться еще разъ къ этому предмету. Прибавлю, что скоро мы потеряли нашего новаго преподавателя, Гепнера: онъ умеръ раньше времени.

Наша внутренняя жизнь шла своимъ чередомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ академіей. Благодаря Рѣпину, я познакомился